

Духанов С.С.

ssd613@ngs.ru

Научно-исследовательский институт теории и истории
архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ),
Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»,
г. Москва, Россия

УДК: 72.036
ББК: 85.113(3)

DOI: 10.37909/978-5-89170-315-5-2022-2014

СЕВЕРОАФРИКАНСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА ЛЕ КОРБЮЗЬЕ В СОВРЕМЕННОМ АРХИТЕКТУРОВОЕДЕНИИ*

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН по теме № 1.1.6.1 «Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория».

Аннотация. Выявлены следующие тенденции. Основное внимание исследователей сосредоточено на идеях и публикациях Корбюзье, тогда как проекты и связанные с ними документальные материалы изучены фрагментарно. Вследствие такого подхода не могут быть объяснены многие противоречия североафриканских проектов Корбюзье. Шире изучена роль региона в творчестве зодчего. С одной стороны, Корбюзье заимствовал из местного архитектурного наследия множество идей, благодаря чему Северная Африка сыграла значимую роль в формировании наиболее характерных черт «современной архитектуры». С другой стороны, североафриканский опыт не заставил Корбюзье отказаться от универсального и европоцентристского подхода.

Ключевые слова: Ле Корбюзье; Северная Африка; «План Обюс»; «современная архитектура».

Dukhanov S.S.

ssd613@ngs.ru

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban
Planning (SRITHAUP, NIITIAG),
branch of the Central Institute for Research and Design (CIRD) of the Ministry of
Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation,
Moscow, Russia

THE NORTH AFRICAN PERIOD OF LE CORBUSIER'S WORK IN MODERN ARCHITECTURAL STUDIES

Abstract. The following trends have been identified. The main attention of researchers is focused on the ideas and publications of Corbusier, while projects and related documentary materials have been studied fragmentarily. As a result of this approach, many of the contradictions in Corbusier's North African projects cannot be explained. The role of the region in the work of the architect has been studied more widely. On the one hand, Corbusier borrowed many ideas from the local architectural heritage, thanks to which North Africa played a significant role in shaping the most characteristic features of «modern architecture». On the other hand, the North African experience did not force Corbusier to abandon his universal and Eurocentric approach.

Keywords: Le Corbusier; North Africa; «Plan Obus»; «modern architecture».

Введение. В центре внимания – творческое наследие архитектора Ле Корбюзье (1887–1965 гг.), связанное с французской Северной Африкой – Марокко, Алжиром и Тунисом. Задачи – выявить основные подходы современных исследователей к изучению творчества Корбюзье в регионе и роли Северной Африки в творчестве зодчего.

1. Творческое наследие Ле Корбюзье в Северной Африке прежде всего представлено проектами и идеями. Анализ научной литературы показывает разную степень изученности, с одной стороны, проектов и документальных источников, а с другой стороны, концепций, идей и взглядов, которые зодчий широко транслировал в своих публикациях 1920–1950-х гг.

Проектная деятельность Ле Корбюзье для французской Северной Африки охватывает 1928–1942 гг.; кроме виллы в Тунисе, все проекты связаны с Алжиром – наиболее значимой французской колонией в регионе.

Ни один из градостроительных проектов не был реализован. Среди них ведущее место занимают проекты перепланировки города Алжира 1931–1942 гг. («План Обюс»): Проекты А (в соавторстве с П.А. Жаннере, 1931 г.) [19, р. 140–143], В и С (1932–1934 гг.) [19, р. 174–177], D (1938 г.) [20, р. 103], E (1938–1939 гг.) [21, р. 48–65] и так называемый «Директивный план» (1942 г.) [21, р. 44–47]. Кроме того, Ле Корбюзье разработал проекты планировок города Немура (в соавторстве с П.А. Жаннере, Ш.-А. Брейо и П.-А. Эмери, 1934–1935 гг.) [20, р. 26–29], жилого комплекса Уэд-Ушайя в городе Алжире (1933–1934 гг.) [19, р. 160–169] и спортивного комплекса с волновым бассейном в поместье Баджара (1935 г.) [Т.3, р. 98–99].

Из архитектурных проектов был реализован только проект Виллы Безо в городе Карфагене в Тунисе (1928 г.) [18, р. 176–179; 21, р. 108]. Остались неосуществленными: доходный дом в городе Алжире (в соавторстве с Г. Понсишем, 1933 г.) [19, р. 170–173], многоквартирные арендные «дома-виадуки» в Телемли (1933 г.) [19, р. 192–193], типовой одноквартирный дом для города Алжира (1933 г.) [19, р. 194], Дом колонизации в Немуре (1935 г.) [20, р. 100–101], Дворец юстиции в городе Алжире (1938 г.) [21, р. 111] и поместье около Шершелля (1942 г.) [21, р. 116–123].

Анализ научных публикаций свидетельствует об избирательности интереса к проектам Корбюзье в Северной Африке. Большая часть его работ «забыта», и практически все внимание исследователей сосредоточено на наиболее эффективном и масштабном «Плане Обюс». Между тем сам Корбюзье выделял и другие свои проекты, например, более реалистичный Немур. В конце 1930-х гг. он не без гордости писал, что «план Немура был признан СИАМ образцовым примером применения «Афинской хартии»» [27, р. 18/74]. Как отмечает К. Фремpton, именно модель Немура, «это типичное корбюзьанское решение», была широко растиражирована в послевоенный период [8, с. 268]. З. Челик выявила сходную тенденцию к фрагментации восприятия и для «Плана Обюс», когда в 1930-х – начале 1960-х гг. разные хронологические «слои» плана были восприняты разными аудиториями. С одной стороны, влияние генплана, как ни парадоксально, прежде всего «сохранялось на архитектурном уровне и особенно проявилось в 1950-е гг.» [12, р. 78]. С другой стороны, в то время, как наиболее футуристические, ранние варианты «Плана Обюс» (А, В и С), «стали краеугольным камнем в архитектурном дискурсе модернизма, их влияние на сам город Алжир оставалось минимальным»; напротив, проект 1942 г., наиболее традиционный, «время от времени всплывал на по-

верхность небольшими фрагментами» [12, p. 78].

Наследие Корбюзье в Северной Африке не исчерпывается проектами. Его зарисовки и тексты (блокноты, письма, стихи) 1930–1950-х гг. дают представление об отношении зодчего к архитектурно-градостроительному наследию страны. Показательно, что эти материалы привлекли куда большее внимание исследователей, чем большинство его североафриканских проектов [12, p. 22–24, 100–101; 16, p. 365, 366, 371; 22, p. 327–329, 338–341; 13, p. 123, 166]. Проекты, как правило, лишь затрагиваются при изучении архитектурно-градостроительных и социальных концепций, идей и взглядов Корбюзье, на которых и сосредоточено основное внимание историков. Значимое место в исследованиях занимает тема конфликтного столкновения утопических идей Корбюзье с исторической реальностью того времени: профессиональной, региональной и колониальной.

С одной стороны, за Корбюзье признается прогрессивная роль, с его именем связывается «начало нового этапа» градостроительства в странах Магриба (Северной Африки) [4, с. 264]. Он внедрял в колониях новаторские для того времени концепции, идеи и принципы модернизма: линейный город, город-дом, город-виадук, город-небоскреб («город башен»), открытые озелененные пространства («открытый город»), функциональное зонирование [1, с. 106–107; 8, с. 228, 266; 17, p. 183–184, 202], солнцезерезы [25; 24]. С другой стороны, его проекты содержали целый ряд серьезных ошибок и принципиальных противоречий, прежде всего, функциональных.

А.В. Бунин и Т.Ф. Саваренская считали «План Обюс» оригинальной, но совершенно несбыточной урбанистической утопией, прежде всего, потому, что он «не был обоснован никакими экономическими и техническими расчетами» [1, с. 107, 219]. Они же отмечали в градостроительных проектах Корбюзье «целый ряд ничем не оправданных промахов», в частности, чрезмерную концентрацию функций и стремление решать все проблемы при помощи «парадоксальных инженерно-транспортных сооружений» [1, с. 92–94, 105]. А.В. Миронов подчеркивает, что «парадокс совершается ради самого себя» и «в нем нет разумного основания» [7, с. 155]. Так, в 13-километровом доме-виадуке «Плана Обюс» (Проект А), рассчитанном почти на 200 тыс. чел., соединены взаимоисключающие функции – автострада и жилье, которые в традиционном градостроительстве, как правило, тщательно изолируются (по санитарно-гигиеническим и другим требованиям) [7, с. 131]. Кроме того, монструозный «корбюзеевский удав» создал бы градостроительные проблемы «тотального характера» и душил бы весь Алжир в транспортном и финансовом отношении: для строительства, ремонтов и сноса он требовал «колоссальных расходов и паралича всего города» [7, с. 132].

Реализация в плотно застроенном Алжире принципов «Лучезарного города» (открытые пространства, широкие автодороги, обилие света, воздуха и зелени), на практике означала масштабный снос и необходимость выселения десятков тысяч жителей [12, p. 52–55; 17, p. 197]. Так, для «сохранения» алжирской Касбы (старого арабского города), Корбюзье предлагал снести ее («расчистить») на 60 % [17, p. 195–196]. Неспособность городских властей нести колоссальные расходы на подготовительные мероприятия (выкуп собственности, снос, строительство жилья для расселения и т.д.) делала проект Корбюзье изначально нереализуемым. Парадокс в том, что зодчий обосновывал «План Обюс» соображениями финансовой прибыли [17, p. 197].

Функциональное зонирование «Плана Обюс», по сути, было социальным и

расовым, и обеспечивало эффективное отделение «делового города» и имущих классов от пролетариата – «низших» классов и рас [17, p. 198; 11, p. 69; 12, p. 43, 77; 13, p. 123]. Градостроительная сегрегация в «Плане Обюс» не была для Корбюзье случайным эпизодом. Резко выраженное социальное зонирование, с зеленым поясом «безопасности» вокруг делового центра, появилось уже в «Современном городе» (1922 г.) [8, с. 227], было оно и в Чандигархе (1951–1956 гг.) [5, с. 14; 6, с. 175–176; 3, с. 27–29]. Расовое зонирование было тщательно разработано Корбюзье в проекте столицы Эфиопии, Аддис-Абебы (1936 г.), почти дословной реплике «Лучезарного города» 1931 г., которую архитектор предложил руководству фашистской Италии, только что оккупировавшей эту страну [14, p. 7–8, 10, 13; 26].

Несоответствие открытых пространств «Лучезарного города», в том числе озелененных, природно-климатическим и культурно-бытовым особенностям стран Востока рассмотрено исследователями как на примере реализованных проектов Корбюзье в Индии [2, с. 540–541; 3, с. 27; 5, с. 11; 6, с. 173; 23, с. 5], так и нереализованных в Северной Африке [17, p. 200–201].

Знаменитые солнцезерезы (франц. «brise-soleil»), вслед за Корбюзье, высоко оценивались в проектах для Алжира – как пластический элемент фасада [13, p. 127–128; 4, с. 264]. И они же, реализованные в Чандигархе, подверглись жесткой критике за неспособность обеспечить удовлетворительные микроклимат и естественное освещение в условиях сезонного климата, за трудоемкость обслуживания и грубый, примитивный, рисунок [5, с. 20–21, 38, 41; 10, p. 128; 24]. К близким выводам пришли исследователи, изучавшие солнцезерезы в североафриканских проектах Корбюзье 1928–1933 гг. В его редакции эти элементы оказались нефункциональны: они не защищали здания от утреннего и наиболее опасного послеполуденного солнца, усиливали перегрев помещений и лишали их солнечного света, отсюда дополнительные расходы на электричество для освещения и кондиционирования воздуха [25; 24].

2. Роль Северной Африки в творчестве Ле Корбюзье. Рассматриваются следующие аспекты: роль Северной Африки в развитии концепций архитектора и проблема «диалога» Корбюзье с местными условиями и арабской архитектурой.

К. Фремpton, один из немногих, кто попытался охватить все наследие Корбюзье в Северной Африке и найти его место в творчестве зодчего. Из анализа Фремптона следует, что североафриканский период, хоть и сыграл для Корбюзье значимую роль, никогда не был для него доминирующим и, по сути, остался одним из переходных этапов. Космополитическая «международная архитектура» Корбюзье развивалась на региональном материале: идеи и приемы, возникшие в одних регионах, он затем применял в других, где видоизменял, дополнял и переносил в третьи. Восприятие города с самолета и идея линейного «города-моста», ортогонального или изгибающегося, впервые возникли в проектах для Южной Америки в 1929 г. [8, с. 266–267]. В проекте Немура впервые появился прием отдельно стоящих пластин-небоскребов, расставленных в шахматном порядке, который затем нашел отражение в проекте города Злина в Чехословакии (1935 г.), Марсельской жилой единице (1952 г.) и др. [8, с. 268]. «Еретическая» для Корбюзье тема использования материалов природного происхождения, ручных техник и плоского свода, к которой он периодически обращался в 1930-х – середине 1950-х гг., не ограничивается одним Шершеллем в Алжире (1942 г.). С ним схожи проекты для Франции и Индии: загородный дом в окрестностях Парижа (1935 г.), до-

ма Муронди (1940 г.), жилой комплекс «Рок и Роб» для мыса Мартин (1949 г.), дома Жуаль в Париже (1955 г.), вилла М. Сарабхай в Ахмедабаде (1951 г.) [8, с. 331–334].

А. Гербер показал, что целый ряд наиболее характерных черт «современной архитектуры» был заимствован Корбюзье в 1931–1933 гг. из средневекового арабского зодчества Северной Африки. Мушарабии (вентиляционные решетки), увиденные Корбюзье в 1931 г. в Марокко, дали идею для солнцезащитных устройств; модуль возник под впечатлениями от «клетчатой» структуры арабских городов Алжира и интерьеров домов Касбы [16, р. 370–371, 366]. В Касбе Корбюзье увидел «поэзию» крыш-соляриев и белых стен [16, р. 376]. Из глинобитной архитектуры городов долины Мзаба в Алжире, осмотренных Корбюзье в 1931 и 1933 гг., родился мотив массивной изгибающейся стены с проемами-нишами, нашедший отражение в Проекте А «Плана Обюс» (1932–1933 гг.) и более поздней капелле Роншан (1950–1955 гг.) [16, р. 370–371, 372–373, 375], а также тема сооружений-символов [16, р. 372].

Т. Бентон, Х. Собин и Д. Сирет раскрыли, как появившийся в Северной Африке в 1929–1933 гг. фасад из солнцезащитных устройств дал начало новому этапу в творчестве зодчего. В середине 1930-х гг. Корбюзье отказался от утопических инженерных систем (герметичных стеклянных фасадов, кондиционированного воздуха) и концепции основанного на них «единого» для всей планеты дома-убежища («стеклянного ящика») с «машинной эстетикой», которые отстаивал в 1920-х гг. Взамен он выдвинул новую редакцию «современной архитектуры» (с солнцезащитными устройствами), которая уже не противопоставлялась региональному, а пыталась ему подражать. Теперь Корбюзье с уважением писал о «местных условиях» и «региональном стиле» [25; 24; 10, р. 126].

Способствовал ли североафриканский опыт пересмотру архитектором своих взглядов и подходов? Одни исследователи связывают с Северной Африкой некоторую гуманизацию его творчества, отход от картезианской геометрии и пуризма, появление органических мотивов и интереса к архаическому искусству [16, р. 376–377; 9]. Другие отмечают, что эти изменения не затронули содержания и были чисто внешними – на уровне контуров рисунка [8, с. 267–268; 17, р. 194, 196]. Таковыми во многом были и изменения в «Плане Обюс» в 1932–1942 гг.: Корбюзье менял форму небоскребов, переставлял их с места на место [12, р. 77–78; 13, р. 125, 127, 128; 23, р. 7]. Из важных метаморфоз плана отмечаются две: в середине 1930-х гг. Корбюзье отказался от мегаструктур («широких жестов», «грандиозности») и перешел к более реалистичной застройке из отдельных небоскребов; в 1942 г. в дополнение к европейскому «полюсу» появился второй – арабский [8, с. 267; 12, р. 51, 78; 13, р. 128; 22, р. 338–339, 341]. То есть, принципиальных изменений не выявлено – Корбюзье по-прежнему держался универсального подхода.

Достаточно однозначно оценивается проблема «диалога» между Корбюзье и средневековым арабским зодчеством. С одной стороны, Корбюзье «восхищался» последним, признавал его «ценные уроки» и способствовал его «реабилитации» в модернистском архитектурном дискурсе 1930-х гг. [11, р. 62, 64, 68; 12, р. 100–101; 16, р. 364, 366, 369, 375; 23, р. 6–7; 9]. С другой стороны, этот интерес был односторонним. Как показал А. Гербер, Корбюзье интересовали не сами арабские города и их застройка, а те «символы и знаки», которые он хотел в них увидеть – идеи для собственного творчества [16, р. 372]. Парадоксальный, на первый взгляд,

интерес к древности апологета модернизма определялся стремлением найти здесь «истоки» архитектуры – универсальные, вневременные принципы [16, р. 375–376]. А.В. Перес, который, как и А. Гербер, работал с материалами из личного архива Корбюзье, раскрывает еще один аспект. Средневековый арабский город был воспринят зодчим как антипод западного мегаполиса. Как и самолет, он использовался Корбюзье в качестве «обвинителя», «критического зеркала», обличающего болезни и пороки европейского города [22, р. 326–327, 332, 334, 336]. Тексты об арабских городах фактически были текстами «о Париже», «о контр-Париже», это была «критика мегаполиса» [22, р. 337, 326].

З. Челик приходит к выводу, что хотя проекты Корбюзье для Алжира 1931–1942 гг. и представляли собой «попытку установить амбициозный диалог с исламской культурой», далее попытки зодчий не пошел [11, р. 60, 63–64]. В связи с этим показательна выявленная А. Гербером тенденция: если в первых вариантах немногих своих проектов Корбюзье и стремился к некоторому «диалогу» с арабской цивилизацией, то в дальнейшем всегда заменял его монологом европейской архитектуры [16, р. 367]. Б. Экли подчеркивает важный нюанс. Когда Корбюзье говорит о собственных проектах, то его отношение к арабскому зодчеству резко меняется. Он презрительно критикует его, называя «прокаженной язвой», «запятнавшей» ландшафт. Иное дело сам Корбюзье, который предлагает «архитектуру», «виртуозную, правильную и великолепную» [9]. То есть, диалог «архитектора» с «неархитектурой» был исключен самим Корбюзье. В связи со стремлением архитектора воспринимать неевропейские культуры с позиции превосходства, З. Челик отмечает: «Его выбор слов в этих кратких высказываниях, возможно, говорит больше, чем их тема» [11, р. 63].

Нестандартно проблема «диалога» раскрыта в исследованиях, посвященных солнцезащитам. Т. Бентон, Х. Собин и Д. Сирет, изучавшие источники по Вилле Безо в Тунисе (1928–1929 гг.) и проектам доходного дома в Алжире (1933 г.) и жилого комплекса Уэд-Ушайя (1933–1934 гг.), выявили несоответствие между официальной историей создания солнцезащит, изложенной Корбюзье, и ее отражением в процессных документах – деловой переписке Корбюзье с заказчиками. Выяснилось, что не меньшую, если не большую, роль в разработке солнцезащит сыграли Люсьен Безо и Генри Понсиш – клиенты и фактические соавторы Корбюзье. Хорошо знавшие условия Северной Африки и тесно связанные с архитектурно-строительной сферой, они были вынуждены вступить с зодчим в довольно резкую полемику по вопросу солнцезащиты. Заставили его переработать первоначальные проекты («стеклянные ящики») и учесть свои, более адекватные, архитектурные решения [10, р. 125–127; 25; 24].

Похожие выводы делает Р. Фишман, изучавший документы «Директивного плана» для Алжира. Главной причиной резкого отказа от этого плана в 1942 г. стал подход Корбюзье. Вопреки тому, что проект предстояло финансировать городским властям, зодчий не только игнорировал их интересы и требования, но и пытался навязать им свое планировочное решение [15, р. 275–279].

Из этого следует, что инициатором и движущей силой диалога с Северной Африкой был не Корбюзье, а сама страна – в лице французских колонистов и властей, критиковавших наиболее вопиющие приемы «международного стиля». Сведений о контактах Корбюзье с арабскими зодчими или о его стремлении к таким контактам, в исследованиях обнаружить не удалось. Напротив, исследователи подчеркивают «заочный» характер его знакомства с местной архитектурой.

Выводы. С точки зрения подходов к материалу и к решению вопроса о роли Северной Африки в творчестве Корбюзье в современной научной литературе выявлены следующие тенденции:

1. Существует определенная диспропорция между степенью изученности документальных и публицистических материалов Корбюзье. Основное внимание исследователей сосредоточено на концепциях и взглядах, при этом исследования опираются, главным образом, на тот нарратив, который был создан самим зодчим в ходе активной публицистической деятельности. Проекты и отразившие обстоятельства их разработки документальные источники, напротив, изучены фрагментарно. Подход, при котором проекты рассматриваются лишь через призму авторских концепций и самооценок, надо считать односторонним. Он игнорирует то обстоятельство, что концепции существовали не сами по себе, а воплощались в проектах и рождались при их разработке. Как свидетельствуют исследования Т. Бентона, Х. Собина и Д. Сирета, имеющиеся в концепциях и проектных идеях Корбюзье парадоксальные и необъяснимые на первый взгляд функциональные противоречия, могут быть раскрыты и объяснены на материале первоисточников.

2. Исследования отражают логическую взаимосвязь между значительным влиянием Северной Африки на развитие творчества Корбюзье и слабой ролью североафриканского опыта в переосмыслении зодчим своих взглядов и подходов. Вместо плодотворного «обмена идеями» (аккультурации) и «диалога» между Корбюзье и регионом, в исследованиях в целом представлен совершенно другой, односторонний по характеру, процесс: «монолог» зодчего, сопровождавшийся «присвоением» (ассимиляцией) идей. Однобокость этого процесса связывается с европоцентристскими установками архитектора, которыми могут быть объяснены парадоксы его североафриканских проектов. С одной стороны, Корбюзье широко заимствовал из средневекового арабского зодчества идеи, которые сформировали «словарь» наиболее характерных форм «современной архитектуры». С другой стороны, несмотря на то, что последняя получила «второе дыхание» благодаря влиянию именно региональной архитектуры, она сохранила свой универсальный и космополитический характер.

Список литературы

1. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства: В 2-х томах. Том 2. Градостроительство XX века в странах капиталистического мира / А.В. Бунин, Т.Ф. Саваренская. – 2-е изд. – Москва: Стройиздат, 1979. – 412 с.
2. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Издание в двух томах. Том I / А.В. Иконников. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 656 с.
3. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Издание в двух томах. Том II / А.В. Иконников; под ред. А.Д. Кудрявцевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 672 с.
4. Каптерева Т.П. Искусство стран Магриба. Средние века. Новое время / Т.П. Каптерева; Ордена Ленина академия художеств СССР, Научно-исслед. ин-т теории и истории изобразительных искусств. – Москва: Искусство, 1988. – 320 с.
5. Короцкая А.А. Чандигарх: Обзор / А.А. Короцкая; Гос. ком по гражд. стр-ву и архитектуре при Госстрое СССР. – М.: Стройиздат, 1972. – 45 с.
6. Короцкая А.А. Современная архитектура Индии / А.А. Короцкая; ЦНИИ теории и истории архитектуры Госгражданстроя. – М.: Стройиздат, 1986. – 255 с.
7. Миронов А.В. Философия архитектуры: Творчество Ле Корбюзье / А.В. Миронов. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 292 с.
8. Фрематон К. Современная архитектура: Критический взгляд на историю развития / К. Фрематон; Пер. с англ. Е.А. Дубченко; Под ред. В.Л. Хайта. – М.: Стройиздат, 1990. – 534 с.

9. *Ackley B.* Le Corbusier's Algerian Fantasy: Blocking the Casbah [Электронный ресурс] // *Bidoun*. – 2006. – Issue 6 (winter). – URL: <https://www.bidoun.org/issues/06-envy#le-corbusier-s-algerian-fantasy> (дата обращения: 27.09.2020).
10. *Benton T.* La Villa Baizeau et le brise-soleil // *Le Corbusier et la Méditerranée* / Ed. V. Arzoumanian and P. Bardou; Musées de Marseille. – Marseille: Éditions Parenthèses, 1987. – P. 125–129.
11. *Çelik Z.D.* Le Corbusier, Orientalism, Colonialism // *Assemblage*. – 1992. – No 17 (April). – P. 59–77.
12. *Çelik Z.D.* Urban Forms and Colonial Confrontations: Algiers Under French Rule. – Berkeley: University of California Press, 1997. – XIV, 236 p.
13. *Curtis W.J.R.* Le Corbusier: Ideas and Forms / William J.R. Curtis. 6 ed. – London: Phaidon Press Limited, 2001. – 240 p.
14. *Dainese E.* Le Corbusier's Proposal for the Capital of Ethiopia: Fascism and Coercive Design of Imperial Identities // *Le Corbusier, 50 years later. Conference Proceedings: International Congress (Valencia 18th – 20th November 2015)*. – Valencia: Universitat Politècnica València, 2015. – P. 1–15.
15. *Fishman R.* From the Radiant City to Vichy: Le Corbusier's Plans and Politics, 1928–1942 // *The Open Hand: Essays on Le Corbusier* / Ed. R. Walden; Massachusetts Institute of Technology (MIT). – Cambridge (Mass.): MIT Press, 1982. – P. 244–283.
16. *Gerber A.* Le Corbusier et le mirage de l'Orient. L'influence supposée de l'Algérie sur son œuvre architecturale // *Revue du monde musulman et de la Méditerranée*. – 1994. – No 73-74: Figures de l'orientalisme en architecture / Sous la direction de C. Bruant, S. Leprun et M. Volait. – P. 363–378.
17. *Lamprakos M.* Le Corbusier and Algiers: the Plan Obus as Colonial Urbanism // *Forms of Dominance on the Architecture and Urbanism of the Colonial Enterprise* / Ed. by Nezar Al-Sayyad. – Avebury, 1992. – P. 183–210.
18. Le Corbusier et Pierre Jeanneret. Oeuvre complète. Volume 1: 1910–1929 / Publiée par W. Boesiger et O. Stonorov; introduction et textes par Le Corbusier. 11 éd. – Zurich: Les édition d'architecture, 1984. – 216 p.
19. Le Corbusier et Pierre Jeanneret. Oeuvre complète. Volume 2: 1929–1934 / Publiée par W. Boesiger; introduction et textes par Le Corbusier. 10 éd. – Zurich: Les édition d'architecture, 1984. – 208 p.
20. Le Corbusier & P. Jeanneret. Oeuvre complète. Volume 3: 1934–1938 / Publiée par M. Bill; textes par Le Corbusier. 9 éd. – Zurich: Les édition d'architecture, 1975. – 176 p.
21. Le Corbusier. Oeuvre complète. Volume 4: 1938–1946 / Publiée par W. Boesiger; textes par Le Corbusier. 7 éd. – Zurich: Les édition d'architecture, 1977. – 204 p.
22. *Pérez Á.V.* The Algerian Sphinx: Le Corbusier's other colonialism in the M'Zab // *The Journal of Architecture*. – 2022 – Vol. 27(2-3). – P. 322–345.
23. *Pouliot H.* «Machines for living»: Reflections on Le Corbusier's Plan Obus (Algiers) & Unité d'Habitation (Marseilles) // *Shift: Graduate Journal of Visual and Material Culture*. – Issue 4. – Kingston (Ontario): Queen's University, 2011. – Number 5. – P. 1–14.
24. *Siret D.* Généalogie du brise-soleil dans l'œuvre de Le Corbusier // *Cahiers thématiques*. – 2004. – No 4 : Filiation(s). – P. 169–181.
25. *Sobin H.J.* The role of regional vernacular traditions in the genesis of Le Corbusier's brise-soleil sun-shading techniques // *Traditional Dwellings and Settlements Working Papers Series*. – 1994. – Vol. 74. – P. 43–71.
26. *Woudstra R.L.* Le Corbusier's Vision for Fascist Addis Ababa [Электронный ресурс] // *Failed Architecture (FA)*. – 2014. – 9 October. – URL: <https://failedarchitecture.com/le-corbusiers-visions-for-fascist-addis-ababa/> (дата обращения: 16.08.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

27. *Le Corbusier.* Le lyrisme des temps nouveaux et l'urbanisme // *Le Point: revue artistique et littéraire*. – Colmar, 1939. – No 20 (avril). – 40 p.